

МАКСИМ БАЙТОВИЧ

ВНЕ РЕЕСТРА · КНИГА 2

РУТКИТ

ОН БОЛЬШЕ НЕ ЛОМАЕТ ПРИКАЗЫ. ОН ИХ ЧИТАЕТ

> УРОВЕНЬ: 0

ОБЕСПЕЧЕНИЕ: БЕССРОЧНО

Максим Байтович Руткит

<https://litres.ru/74540279>

SelfPub; 2026

Аннотация

Три года назад система не смогла зарегистрировать Артёма. Теперь она не может его найти — и это его единственная сила.

ЯДРО вскрыто, и мир разжимается. Уровни падают у всех: вчерашний герой за неделю теряет то, что качал годами. У узла семь ключей, и за каждый придётся платить памятью.

Лена, сестра, за которую он шёл через Туман, оказалась не жертвой, а подписантом: три года назад она вписала его в чужой договор. Теперь Артём живёт под её подписью — и по тому же договору может её отозвать. Ценой себя.

Фабрика кормит людей печью и называет это милосердием. По Трассе идёт эшелон, которого нет в списках. Маленький серый делегат с папкой не враг — он исполнитель, и с ним не воюют, с ним подписывают.

Нулевой больше не ломает приказы. Он их читает вслух — и система начинает подчиняться тому, кого не видит.

Руткит — это не взлом. Это когда ты уже внутри и работаешь. Вторая книга трилогии Вне реестра.

Содержание

Пролог	4
Часть первая. Разжатие	7
Глава 1. Разжатие	7
Глава 2. Возврат	11
Глава 3. Трасса	16
Глава 4. Плоские	21
Глава 5. Контракт	26
Глава 6. Печь	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Максим Байтович Руткит

Пролог

Свобода в ту ночь пахла железом и мокрым бетоном. Я лежал на крыше бывшего узла связи, считал звёзды и думал, что впервые за три года не боюсь. Это было, конечно, враньё. Не боялся я ровно сорок минут.

Ровно через сорок минут небо мигнуло.

Не молнией, не зарёй — чем-то совсем другим. На секунду по всей вышине, от края до края, пошла сетка, как по старому монитору, который никто не выключил. И в этой сетке, в самой её середине, двигалась строка. Её не видел никто внизу: Кира спала в комнате на втором этаже, Барон храпел в сторожке, Дэн околачивался у костра и, наверное, тоже спал — он умеет.

Я видел. Мне хватит.

Строка была короткая и написана тем ровным, ничуть не живым шрифтом, которым мир говорит со мной три года: узел первый не в согласовании. сверка назначена. делегат в пути.

Я сел. Я потёр лицо обеими ладонями, как будто это могло стереть не глаза, а строку. Не стёрло. Она постояла надо

мной ещё секунды три, вежливо, как квитанция под дверью, и поехала вниз, растворяясь в обычном тёмно-синем ничего.

Мы всё сломали. Вот что я подумал первым. Мы открыли ЯДРО, отпустили сорок одну тысячу тридцать восемь, выгнали машину, которая держала людей в клетках, и назвали это победой. И мы, дураки, не спросили одну вещь: а кто, собственно, эту машину туда поставил.

У машины есть владелец. У владельца есть отчётность. У отчётности есть срок.

Внизу подскочил чей-то крик — первый, тревожный, не злой. Потом ещё. Я свесился с края: на площади, у фонтана, где мы три дня назад делили воду на всех, стоял пацан-сборщик и смотрел на свою руку. Он был из тех, кто нахватался на вокзале, из везучих: до вчерашнего дня четырнадцатый уровень.

— Тринадцать, — сказал он тихо, и ему никто не ответил, потому что нечего было отвечать. — У меня тринадцать.

Разжатие началось. Не через сорок дней — сегодня ночью. Я сполз по стене, приземлился на четвереньки в мокрую крошку бетона и пошёл будить своих. В голове было на удивление чисто и спокойно, как бывает, когда наконец случилось то, чего ждал, только раньше, чем думал.

Знал же. Три года знаю одну простую вещь: мир не отдаёт ничего просто так. Ты вывернул ему правило — он вывернул тебе что-то своё. Мы вывернули ему ЯДРО. Мы отпустили всех.

Значит, теперь он придёт за памятью.

Часть первая. Разжатие

Глава 1. Разжатие

К утру Периметр посчитал себя.

Это было смешно и страшно одновременно — как смотреть, как большой ребёнок считает по пальцам и путается. Люди высовывали руки на свет, щурясь, как будто уровни можно было разглядеть без очков. У кого-то падало на единицу, у кого-то на две, у половины — ничего. У тех, у кого было семь и ниже, не падало вообще: падать некуда.

— Считай, счастливчики, — кричал на углу тощий мужик с лотком сушёной рыбы. — Нулевые и первые теперь элита! У меня с утра одиннадцать, а было двенадцать, и я вам скажу: это не потеря, это инвестиция!

Он торговал рыбой по вчерашней цене, и никто не покупал, потому что у всех на голове была одна и та же мысль, просто она лежала в разных местах. У меня она лежала вот где: ровно за сорок минут до рассвета я видел строку, а они — нет. Никто в городе не знал, что за этим стоит. Никто не знал, что это вообще начало, а не аномалия, которая рассосётся.

Я сидел на перевёрнутом ящике у нашего укрытия и ел кашу, которую Кира варила так же, как дралась: зло, с лиш-

ним огоньком. Каша была пригоревшая. Это было хорошо. Это было похоже на жизнь.

— Значит так, — сказал Дэн, разложив на колене мятую бумажку с цифрами. — Я всю ночь считал, потому что спать, похоже, было нельзя. Слушай сюда. За три года в Периметре было три больших обвала. Первый — когда Сбой только случился. Второй — когда Туман сожрал северную стену. Третий — позавчера, когда ты, Артём, выключил ЯДРО. Так вот: после первого и второго уровни вернулись за месяц. После третьего не вернулись. Разница?

— Разница в том, что раньше ломали людям, — сказал Барон. Он чинил напильником свой щит — клочок арматуры, обмотанный резиной, — и говорил, не поднимая головы. — А теперь сломали то, что держало.

— Вот. — Дэн ткнул пальцем в бумажку. — Держал — и отпустил. Держать — это расход. Расход кончился. Уровни были не наши, ребята. Они были занятые.

Я поставил миску. Я понял это ещё на крыше, но услышать от Дэна было другому: значит, все три года нас не учили, нас кормили с условием, что мы потом это отдадим. Люди качались, убивали, росли, боялись — и всё это было тепло, которое кто-то собирал.

— А я? — спросил я. — Я же не рос. Значит, и не ссужали. — Ты, — сказал Дэн, — был бесплатный.

Кира не пошутила. Это было хуже всего. Она сидела, зажав миску между ладонями, и смотрела в серую кашу, а по-

том сказала:

— У меня сегодня не вышло.

— Чего не вышло?

— Зажечь. — Она подняла руку, щёлкнула пальцами. Ничего. Щёлкнула ещё раз, сильнее, и на кончиках пальцев наконец дрогнуло — маленькое, жидкое, болезненное, как зажигалка на морозе. — С третьей попытки. Вчера с полтычка.

Вот это был не разговор про кашу. Искра у Киры была класс. А класс у нас в городе — это не гордость, это подключение. Ядра больше нет, а подключение осталось на честном слове. Я посмотрел на её руку так, как смотрю на всё в этом мире, — не как человек, а как читатель, — и, конечно, увидел то, чего не стоило видеть.

Строка под кожей, серая, тихая: ресурс узла — распродана. И ниже, мельче: остаток — семь процентов.

— Кира, — сказал я. — Не свети. Ни перед кем. Совсем.

— Почему?

— Потому что у тебя не класс гаснет, — сказал я. — У тебя счёт кончается.

Она успела только открыть рот, и в этот момент на площади — не голосом, а всем разом, всем телом города — люди ахнули. Мы выбежали.

Над фонтаном, там, где три года назад висела табличка с квотой, стояла другая. Не на стене — в воздухе, ровная, белая, как отпечаток в молоке. Она была написана без крика и без капса, вежливо, как повестка: сверка. делегат в пути.

срок — сорок дней.

И ниже, для тех, кто всё ещё не понимал: не паникуйте. ничего не изменится.

— Это, — сказал Дэн тихо, — моя любимая часть.

— Почему? — спросил Барон.

— Потому что когда тебе обещают, что ничего не изменится, — это значит, что изменится всё, просто не в твою пользу, и по документам.

Глава 2. Возврат

Город собирался там же, где всегда, — во дворе бывшего кинотеатра, где крыша держалась на честном слове и на трёх балках. Двадцать тысяч человек в Периметре — это, если честно, не толпа, это уже публика. У публики есть требования.

Нокс стоял у экрана, на котором когда-то крутили рекламу, а теперь — списки. Он изменился за три дня. Не лицо, не голос — плечи. Раньше он держался как человек, над которым никто не смеётся, потому что он тридцать первый уровень. Теперь он держался как человек, который смеётся над собой первым, чтобы не рассориться с остальными. Двадцать семь.

— Что у нас, — сказал он. Не вопрос. Проверка.

— У нас, — подхватили сзади, — паника на рынке. Зелье устойчивости подорожало в четыре раза. Его, конечно, никто не варил и не варит, но продают.

— Ну и продавайте им кашу, — сказал Дэн из толпы. — Тоже тепло.

Нокс его не заметил. Или сделал вид, что не заметил, — он в этом всегда был мастер.

Тогда вперёд вышел Тошак.

Тошак три года назад был первым уровнем и драл чужие ботинки за глоток воды, а теперь у него было двенадцать,

и он это чувствовал. Он вообще чувствовал всё, что у него было. Он даже встал не оттуда, откуда положено, а оттуда, где его лучше видно.

— Делегат, — сказал Тошак. — Сорок дней. Все понимают, что это? Это проверка. Проверка — это когда тебя проверяют. А кто проверяет? Тот, кто поставил. И у того, ребята, есть чем. А у нас чем? У нас ноль и нулёвка. Я предлагаю вернуть ЯДРО.

Я ждал, что засмеются. Не засмеялись.

— Ты предлагаешь, — сказал Нокс ровно, — чтобы мы снова держали людей в клетках.

— Я предлагаю, чтобы у людей была сила, — сказал Тошак. — Сила, а не честное имя. Ты был тридцать первый, Нокс. Ты был бог этого чёртового экрана. А теперь ты — мужик с плечами. Тебе не обидно?

Обидно было всем. Я видел: у людей под кожей шевелится то же самое, что у Киры, — серые строки, распродажа, остаток. Семь процентов. Люди это чувствовали, даже не умея читать. Они чувствовали, как уходит то, ради чего они три года терпели.

— Мы не вернём ЯДРО, — сказал я, и, кажется, не надо было говорить это вслух.

Повернулись.

— Артём Маркевич, — протянул Тошак. Он научился произносить моё имя с тем же лицом, с каким раньше говорил: ноль. — А у тебя-то какой интерес? У тебя уровня нет,

у тебя падать некуда.

— У меня есть память, — сказал я. — Её тоже можно отобрать. И её отберут первой.

Тишина была короткая, зато плотная. Нокс посмотрел на меня так, что я понял: он запомнил. Он всегда запоминает, а использует потом — красиво и не вовремя.

Вечером был второй сход, уже без публики. У Хрома на складе, под скрип лампы. Нас было пятеро: я, Кира, Дэн, Барон и Нокс, который пришёл последним, сел в угол и сделал вид, что он тут для порядка.

Хром достал из-под верстака жёсть. Старую, гнутую жёсть от щита, на которой его рукой, мелко и с нажимом, была вычерчена схема. Не карта города. Нити.

— Узлов, — сказал Хром, — не один. Ядра у городов — это одно и то же устройство, вбитое в одну и ту же сеть. Их семь. Ваш был первый, и вы его сломали. Второй — Фабрика, за Трассой, на другом берегу. Там до сих пор держат. И там второй ключ.

— Откуда ты знаешь про ключи? — спросил я.

— Потому что я знаю, откуда они берутся, — сказал Хром. — Их семь, потому что их кто-то сделал. Семь прав доступа, которые нельзя выдать тому, кто в списке. Их делал не установщик. Их делал человек, который умел читать.

Он смотрел на меня не в упор, а чуть мимо — как смотрят на то, что не хочется трогать.

— Значит, идём за ключом, — сказал я. — Четверо.

— Четверо, — кивнул Нокс из угла. — Вы. Трое моих останутся на связи: у меня, в отличие от тебя, люди умеют говорить, не читая.

— Твои мне не нужны, — сказал я.

— Ты их и не берёшь в команду. — Нокс развёл руками. — Ты берёшь их в отряд. Разница в том, что за отряд отвечаю я. Если что — спросят с меня, а с тебя нечего взять: ты не значился три года и не значишься теперь. Вот и вся твоя свобода, Нуль: тебе можно всё, но тебе никто не верит.

Мне это не нравилось. Это было правильно, и мне это не нравилось. Так бывает чаще всего.

— Про цену, — сказал Хром. — Я не кончил.

Он положил ладонь на жёсть, накрыл схему, как будто боялся, что она убежит.

— Ключ — это право. Право не берут, его выменивают. Система за каждое чужое право забирает то, что ты держишь. А держишь ты только одно — память. Мелочь, если подменяешь замок на двери. Много, если открываешь узел. Артём, ты уже платил. Ты просто ещё не понял, за что.

Я понял. Я вспомнил, что за последние три дня уже дважды пытался поймать одну и ту же деталь: как Лена в десять лет заставляла меня доедать кашу, а сама сидела на подоконнике и болтала ногами. Я знал, что каша, и что подоконник, и что десять лет, — а как именно болтались её ноги, я уже не видел. Совсем. Как будто стёрли кусок плёнки и залепили скотчем.

— Два ключа возьмём, — сказал я вслух, чтобы не думать об этом. — Больше за раз не потянем. Идём завтра.

— Двое, — сказал Хром. — Трасса не живая, но и мёртвая тоже нет. Иди, Нуль. Читай там всё. И знай: то, что ты потеряешь, потом не находится. Ни за какие права.

Уже у двери он добавил, не поднимая головы:

— Артём. На Фабрике окна нет. Там интерфейс другой. Ты там будешь видеть то, чего не видел нигде, и я тебя прошу об одном: не всё, что увидишь, рассказывай своим.

Глава 3. Трасса

Вышли до света. Нокс держал слово: четверо — мы, трое его остались на вышках с рациями, которые, в отличие от моей, работали.

До Трассы было три километра по ничему. Туман за три года изменился, и это мне не нравилось больше всего. Раньше он шумел: в нём жили твари, которые не подчинялись таблицам, и он гудел, как пустая бочка под дождём. Теперь он стоял. Ровный, белый, густой, почти ласковый, и в этой белизне не шевелилось ничего.

— Мне нравится, когда страшно, — сказал Дэн, идя рядом. — Страшно — это когда понятно, где выход. А тут, ребята, не страшно. Тут просто тихо, а это хуже.

Трасса была старая, четырёхполосная, с проваленным асфальтом и разметкой, которую кто-то когда-то любил. Через каждые двести метров на ней стояли знаки, и на каждом знаке, кроме нарисованного, висел ещё один, который видели только читатели.

полоса третья — закрыта. основание: отсутствие содержания.

— Не ходите по третьей, — сказал я.

— Ты как врач, — сказала Кира.

— Я как тот, кто не хочет вас искать.

Прошли ещё километр, и Туман кончился не кончился —

он стал другим. Впереди, в белом, горел свет. Много света, жёлтого, тёплого, как кухня у соседей, куда ты не хочешь заходить. Свет шёл поперёк Трассы, и вместе с ним шёл гул.

Поезд.

Настоящий, старый, с электричкой вместо локомотива, с налипшей на стёкла изморозью, с окнами, в которых был свет. Он шёл по воздуху, не имея рельсов, и это было единственное, что в этом мире меня ещё могло удивить.

— Ложись, — сказал Барон, и мы легли.

Поезд прошёл над нами так близко, что я почувствовал на затылке тёплый выхлоп. И когда он поравнялся со мной, я — против своей воли, иначе я бы не был собой — поднял глаза и прочитал.

Вагоны были пустые. Совсем. Ни тварей, ни призраков, ни людей, никаких страшных штук, на которые богата фантазия местных баек. Пустые дерматиновые сиденья, поручни, мусор на полу.

Над каждым сиденьем висела карточка.

Имена, которых нет.

я не найден. я не найден. я не найден. я не найден.

Триста карточек, и ни на одной — уровня, класса, цифры. Только строка статуса, одинаковая, как строчка в моём паспорте три года назад, и от этого у меня внутри всё заledenело: это были не мёртвые. Это были не записанные. Люди, которых система не смогла оформить, — и вот они, едут, пустые, в вагоне, который не доезжает.

— Артём, — позвала Кира. Тихо, в самое ухо, губами по волосам. — Артём, он встаёт.

Поезд замедлялся.

Не останавливался — замедлялся, и от этого гул стал таким, будто кто-то тянул ногтем по стеклу. Потом остановился в полутора сотнях метров за нами, и свет в его окнах мигнул, и двери открылись. Все. Одновременно.

— Встать, — сказал я. — Спокойно. Не бежать. Идите за мной, и если кто из вас умеет не дышать — дышите, но не думайте.

— Это как? — спросил Дэн.

— Как обычно. Как ты думаешь про чужие карманы.

Мы встали и пошли. Поезд стоял, двери держал, и я знал, что он ждёт. Не нас, не меня. Он ждёт, пока кто-то из нас поднимется. Я чувствовал это не спиной, а вот этим, между глаз, где у меня живёт чтение.

И в этот момент над последней дверью, над тамбуром, вспыхнула ещё одна карточка. Не имя. Служебная, ровная, и я прочитал её на ходу, потому что иначе нельзя:

делегат узла второй следует по маршруту. приём материалов — в пути.

— Он здесь, — сказал я. — Не в городе. Здесь. В поезде.

И тогда из тамбура, из тёплого жёлтого света, вышел человек. Обычный, в сером, с папкой под мышкой, в очках, с лицом уставшего мужика, который работает не первый год и ненавидит переработки. Он посмотрел на нас не как на цель.

Так смотрит тот, кто сверяет, все ли в сборе.

— Восемь, девять, десять, — сказал он вслух, не глядя на нас, и поднял глаза на меня. — Одиннадцать. Нулевой?

— Нет, — сказал я.

— Как интересно, — сказал он и достал из кармана ручку. — Поднимайтесь. У вас четверых я запишу как сопровождающих, это ни к чему не обязывает. А нулевого — как материал. У нас приём в пути.

Никто не двинулся. Я сделал шаг вперёд: вперёд — единственное направление, в котором нулю имеет смысл идти.

— Мы не материал, — сказал я.

— Материал — это то, что подлежит учёту, — сказал он терпеливо, как объясняют детям. — Вас четверых я не учту: вы не в согласовании, вы — происшествие. А ты, — он посмотрел на меня поверх очков, — ты у меня в акте с прошлого раза.

Папка у него в руке щёлкнула. Не открылась — щёлкнула, как замок.

Двери поезда закрылись. Медленно, по-хозяйски, и он вошёл последним, придерживав одну рукой, и не обернулся. Поезд поехал, свет в окнах поплыл, поехал, поплыл — и через минуту от него остался только гул, а через две не осталось и гула.

— Что он записал? — спросила Кира.

Я не ответил. Я смотрел на своё окно — туда, где три года висело и никуда не делось: объект не найден.

Оно изменилось. Оно стало короче и хуже.
объект учтён.

Впервые за три года мир поставил на мне не прочерк, а галочку. И мне это совершенно не нравилось.

Глава 4. Плоские

Фабрику было видно за четыре километра, и первым делом я подумал, что у нас в Периметре никто так не светит.

Она стояла на другом берегу, в низине, и светилась не окнами, а чем-то ровным, зелёно-желтым, как подсветка под водой. Клубы, трубы, пять башен, и между башнями — натянутые, как верёвки для белья, линии. Линии были не металлические. Я увидел их сразу, как только мы вышли из Тумана: это были строки. Тысячи строк, тянущиеся от башни к башне, и в них бежало содержимое.

— Не пялься, — сказал Барон. — У них тут за это берут.

— За что берут?

— За любопытство. — Он сказал это абсолютно ровно, и только через секунду до меня дошло, что он шутит. Барон шутил редко, но метко, и его шутки всегда звучали как приговор.

Пост был обычный: бетонный блок, турникет, будка, двое охранников — и над обоими, как положено, пустота. Я осёкся. Меток не было. Совсем.

Ни над головой, ни на груди, ни в воздухе рядом. Ничего. В нашем мире человек без плавающей карточки выглядел бы голым, а эти двое стояли в чистой форме и были абсолютно спокойны.

— Здесь интерфейс не вешают, — сказала Кира, огляды-

ваясь, как будто её могли слышать. — Мне так Дэн рассказывал. Говорят, здесь строки носят на себе.

Она была права. Я увидел это через десять шагов, когда подошёл ближе и посмотрел на руки охранника. Тонкие, как татуировка, серые буквы шли по запястью, по тыльной стороне ладони, забирались под рукав.

сверка двести четырнадцатая. расход штатный. претензий нет.

— Документы, — сказал охранник.

Бумажки у нас были: Нокс выбил четыре пропуска на сезонных рабочих, с печатью какого-то цеха, которой не существовало три года. Охранник взял бумажку, посмотрел на неё с уважением человека, который вообще-то читает бумаги, потом поднял глаза на Барона, на Киру, на Дэна. И наконец на меня.

— А ты чего без бумажки?

— У меня есть, — сказал я и протянул свою.

Он посмотрел на неё. Он смотрел на неё долго — секунды три, — и за эти три секунды я успел его прочитать. Строки на его запястье побежали быстрее, поползли выше, к локтю: сверка имени, сверка имени, сверка имени, не найдено. Не найдено. Не найдено.

И тогда охранник поднял голову и позвал через плечо, не оборачиваясь:

— Ива. Иди, у нас смешное.

Она вышла из будки не торопясь. Девчонка лет шестна-

дцати, коротко стриженная, в мужской роботе на два размера больше, с тёмными кругами под глазами и в перчатках — тонких, кожаных, натянутых до потрескавшихся ногтей. Перчатки в этом мире были одеждой не от холода.

Она посмотрела на мою бумажку. Она не взяла её. Она взяла мою руку.

— Ты чего в перчатках? — сказал я, и это было, пожалуй, самое умное, что я сказал за всю дорогу.

— Чтобы не видеть, — сказала Ива. — У нас в Фабрике смотреть на человека — это услуга. Ты мне за это что-то должен.

Она перевернула мою ладонь, провела по ней пальцем в перчатке, и строки на её пальцах вспыхнули серым, как у всех. Я стоял и чувствовал, как у меня внутри, там, где живёт чтение, кто-то другой делает отметку.

— Ага, — сказала Ива спокойно. — У тебя не записано.

— У меня не найден, — поправил я.

— У тебя не записано, — повторила она, и в её голосе впервые появилось что-то вроде интереса. — Это разные вещи. Не найден — это когда тебя искали и не нашли. А не записано — это когда тебя некому было вносить. Кто тебя так?

— Я сам, — сказал я.

Она посмотрела на меня ещё две секунды. Потом вернула бумажку охраннику, взяла её у него из рук, приложила к ней большим пальцем, и на чистой бумаге проступила печать — ровная, зелёная, как вся Фабрика.

— Сезонный, четвёртый разряд, допуск на территорию,
— сказала она и вернула бумажку мне. — Три дня. Дальше
— контракт или вон.

— А с ним что? — кивнул охранник на меня.

— С ним ничего, — сказала Ива. — Его некому вносить.

Мы прошли. За спиной я услышал, как она негромко сказала охраннику, так, чтобы я слышал:

— Занеси в журнал. Отдельно. Таких, как он, у нас держат на примете.

На территории Фабрики было тихо. Не пусто — тихо. Люди шли, работали, ругались, смеялись, но по коже у каждого бежали строчки, и они шли ровно, как часы, и от этого весь город выглядел как один большой хорошо смазанный механизм, в котором всё на своих местах.

— Знаешь, что самое паршивое? — сказал Дэн, оглядываясь. — Они не злые.

— Вот поэтому и паршивое, — сказала Кира.

Над центральным проспектом, вместо неба, поперёк башен была натянута одна большая строка, медленная, жирная, её видел, наверное, любой, кто умел читать, — и я прочитал:

узел второй — в согласовании. разжатие не требуется.
расход: штатный.

Значит, там, у нас, мир умирал от нехватки энергии, а здесь — всё было в порядке. Здесь ещё держали. Здесь ещё кормили.

И на моём пропуске, там, где только что была ровная зелёная печать, проступила вторая строчка — не печатная, кривая, выведенная от руки: Ива. Вечером. Покажу, где у нас правда.

Я поднял глаза на крышу будки.

Я поднял глаза. На крыше будки, там, откуда нас было видно, стояла девчонка в перчатках и смотрела на меня. Не махала, не кричала, не делала страшных глаз. Просто смотрела, как смотрит человек, который сделал выбор и не знает, правильно ли сделал.

Глава 5. Контракт

Ночевали в цеху. Не в гостинице, не в бараке, а в настоящем цеху — старом, с кран-балкой под потолком, — где сейчас сушили рукавицы и держали четырёх сонных парней, которые нас даже не спрашивали, кто мы. Спрашивать у них было некому: за каждого отвечал контракт, а контракту было всё равно, кто рядом спит.

Ива пришла за полночь. Без перчаток — и я понял, что она пришла не как сверитель, а как человек: без перчаток она была младше на пять лет и страшней на десять.

— Говори, — сказал я. — Что ты увидела у меня на руке.

— Я увидела, что ты не в списке, — сказала она и села на корточки у печки. — У нас это называется не ошибка, а свободный. Тебя тут не будет ни в актах, ни в расходе, ни в отчёте. Никогда. Понимаешь, что ты потерял?

— Ничего, — сказал я. — Я и до этого ничего не имел.

— Ты потерял гарантию, — сказала она. — Если тебя не видит узел, то он тебя и не держит. Ни в жизни, ни в перегрузке. Умрёшь здесь — не встанешь. Понял теперь?

Понял. Только не так, как она хотела.

— Почему ты это рассказываешь? — спросила Кира.

— Потому что вы идёте за ключом, — сказала Ива. — Я вижу, как вы идёте. У меня на это счёт, я вам продам два факта, а третий отдам бесплатно, потому что я дура.

— Два факта, — сказал Дэн. — Назови цену.

— Голод, — сказала Ива. — У нас в Фабрике можно купить уровень. Не опыт — уровень. Влез в печь, отдал то, что у тебя есть лишнего, вышел на единицу богаче. Денег не берут. Берут то, что стоит дороже денег. Вот вам цена: ты, нулевой, идёшь ко мне и говоришь, что ты видишь, когда читаешь чужой контракт. Мне семнадцать, я сверю триста контрактов в месяц и не видела ни разу, чтобы он был.

Я посмотрел на неё. Я мог сказать нет и никогда больше не встречаться. Я сказал:

— Договор.

— Тогда первый факт, — сказала Ива. — Твой ключ — не в сейфе. У нас всё ценное — не в сейфе. У нас самое ценное сжигают: сжечь нельзя украсть. Второй ключ у вас будет лежать в печном буфере, в том, что не догорело. Это внизу, под третьей башней, доступ по допуску сверителя. — Она пожала плечом. — Хорошо, что у вас есть сверитель.

Все посмотрели на Дэна.

Дэн сидел, поджав ноги, и в свете печки его профиль, который мир три года прятал за прочерком, был у него на коже — там, где у всех людей строчки.

— Не надо, — сказал Дэн. — Я сам не знал.

— Что ты не знал? — спросил Барон.

— Что у меня допуск. — Дэн посмотрел на свою руку, как на чужую. — Мне его поставили два года назад. Тогда, когда я исчез на три дня и сказал, что меня грабнули в Тумане.

Меня не грабили. Меня взяли. Я работал на сверку, я считал чужие уровни, пока вы меня искали. Я до сих пор не знаю, за что. Я только знаю, что если вас сейчас поведёт в подвал не тот, у кого допуск, — печь вас просто не заметит и сожрёт.

Тишина была злая. Я видел, как у Киры дёрнулась рука, и я знал, что она не ударит, — но я был бы не против, если бы ударила: это было бы проще, чем то, что сказал я.

— Значит, ты наш пропуск, — сказал я.

— Значит, — сказал Дэн. — И это, ребят, ещё не самое страшное. Самое страшное, что они меня не отпустили. Я до сих пор у них в списках. Если сегодня ночью они решат закрыть дело, я уйду, не моргнув.

— Уйдёт, — сказала Кира.

— Может, и уйду, — согласился Дэн. — Поэтому не поворачивайтесь ко мне спиной и не считайте, что я свой. Я так честней.

Ива встала. Она уже у двери обернулась и отдала третий факт, как обещала.

— Про вашу сверку, — сказала она. — Она у вас началась. Мы слышим по сетке: узел первый закрыли на приёмку материалов, он не в согласовании. А делегат по трассе повернул обратно — у вас приёмка прошла быстро, материала он не взял. Теперь он едет сюда.

— Куда? — спросил я.

Она посмотрела на меня и не ответила. Ей не надо было отвечать: над окном, вверху, поперёк башен, большая стро-

ка города мигнула и сменилась. Медленно, по-хозяйски, как меняют табличку на двери кабинета:

внеплановая приёмка материалов. всем не имеющим контракта — явиться на сверку. утро, пятый час.

— У тебя есть шесть часов, — сказала Ива. — Потом тебя найдут и запишут. А если запишут — значит, ты не свободный, значит, ты у них в расходной.

— Что они делают с расходными? — спросил Барон.

Ива посмотрела на него так, как смотрят на очень сильного человека, который задал очень глупый вопрос.

— Что хотят, — сказала она. — У нас это называется добровольно.

Глава 6. Печь

В подвал третьей башни нас вели два часа, и вели бы дольше, если бы Дэн не знал, где камеры.

Он знал. Он знал, куда смотреть, как держать руку, чтобы допуск читался, и что говорить вахтёру — не просьбу, а номер. Он говорил номера, и двери открывались, и это было обидно видеть: человек три года прятал, что он у них свой, а теперь выкладывал это, как ключи на стол, и каждый ключ стоил ему куска того, чего у него и так было мало.

Печь была не страшной. Вот что меня больше всего задело. Я ждал ад — пасть, жар, чёрное железо, крики, — а это была обычная промышленная духовка метрах в четырёх от пола, с трубой, с рычагом, с лесенкой и с будкой оператора, в которой сидел сонный мужик и пил чай из жестяной кружки.

Только над ней, под самым сводом, висело то, чего не видел оператор.

приёмник узла второго. буфер несгоревшего. содержимое: тысяча четыреста двенадцать единиц. расход: по требованию.

— Тысяча четыреста, — сказал я вслух.

— Это что? — спросила Кира.

— Это то, что у них не сгорело. Уровни. Куски людей, которые не влезли в расход. Они тут, как у нас в подвале у ЯДРА, только без ячеек. Просто лежат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.